

РОМАНЫ МАЙКА ОМЕРА

Внутри убийцы
Заживо в темноте
Глазами жертвы
Как ты умрешь
Сеть смерти
Дом страха

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ В СЕРИИ «ВНУТРИ УБИЙЦЫ»

Виктор Метос «Жена убийцы»
Виктория Селман «Границы безумия»
Мэри Бёртон «Последний ход»
Изабелла Мальдонадо «Шифр»
Виктор Метос «Ночные твари»
Мэри Бёртон «Последнее испытание»
Лайза Рени Джонс «Поэзия зла»

Глава 1

Простенькая карусель из стальных труб медленно проворачивалась на ледящем ветру, оглашая темную детскую площадку пронзительным скрипом. Грейси Дарем не сводила с нее глаз, поеживаясь от холода и страстно желая оказаться сейчас дома, в теплой постели. Но все равно продолжала упорно сидеть на одном конце стоящих рядом качелей, напротив Эбби. Перекладина качелей основательно проржавела, и из-под лохмотьев желтой краски кое-где проглядывал порывевший металл. Грейси выдохнула, выпустив в студеный ночной воздух облачко пара.

— Думаю, что он не придет, Эбби, — нарушила она молчание.

— Придет, — твердо отозвалась та, прикусив губу.

— Он скинул тебе эсмэску?

Эбби заглянула в свой телефон.

— Нет. Но он придет. В смысле... сейчас ведь всего лишь пять минут девятого.

День святого Патрика, на улицах не протолкнуться от пьяных взрослых, орущих и гогочущих. По пути сюда Грейси заметила, как какого-то мужика безудержно тошнит на углу. А через несколько минут им попалась слившаяся в объятии парочка, зигзагом бредущая на-

встречу, — парень запустил руку прямо в штаны девице. Грейси надеялась, что никогда не вырастет, — это ведь так отвратительно... Она испытала заметное облегчение, когда весь этот разгул остался позади и они наконец свернули в сторону детской площадки на Бейбл-лейн, где Эбби договорилась встретиться с Ноэлем.

Грейси думала, что лучше бы им встретиться днем, а не вечером. Ни ей, ни Эбби не разрешалось выходить из дому так поздно, тем более в учебный день, и если родители Грейси прознают, что ее не было дома, то просто оторвут ей голову. Но она дала Эбби обещание, а сама Эбби всегда была готова ее поддержать. Вступалась за нее перед Тарой и ее подружками, когда те цеплялись к ней из-за того, как она одевается... В прошлом году, в пятом классе, взяла на себя вину, когда миссис Морено застукала их за списыванием, хотя виновата была Грейси... И всегда поддерживала ее музыкальные увлечения.

Эбби — просто классная подруга. И отправиться с ней на встречу с Ноэлем было последним, что она могла для нее сделать.

Грейси огляделась по сторонам, зябко обхватив себя за плечи. Днем они частенько бывали на этой детской площадке. Эбби уверяла, что и познакомились-то они именно здесь, катаясь на карусели, хотя Грейси была уверена, что произошло это в школе, на обеде. Но как бы там ни было, они торчали здесь часами, когда были помладше, — качались на качелях, съезжали на попе с горки, тут же забираясь обратно прямо по спуску, хотя полагалось подниматься по лесенке. И даже когда немного подросли, по-прежнему тусовались тут, болтая про школу, музыку, мальчиков,

книги — да про всё на свете. Просто болтали и болтали. Иногда делили на двоих пакетик «Скиттлз» или «Ризис»¹, или (когда мама Эбби категорически запретила той ежедневно есть конфеты) сочное хрустящее яблоко.

Однако вечером эта детская площадка виделась в совершенно другом свете. Поблизости находились только два уличных фонаря, и сооружения на площадке отбрасывали длинные жутковатые тени. А единственными звуками были лишь поскрипывания карусели под особо сильными порывами ветра. Днем этот скрип казался довольно забавным — ребягтя раскручивала эту штуковину еще сильнее, отчего звук становился еще более пронзительным. Но теперь это заунывное поскрипывание казалось неприятным, даже зловещим, и у Грейси от него по спине бежали мурашки. Кое-где на земле лежали заплатки снега, бело-голубые в окружающей мгле.

Металлическое сиденье качелей было невероятно холодным, и Грейси казалось, что она вот-вот отморозит попу даже в теплых толстых штанах. Она поерзала, пытаясь по возможности подсунуть под себя полы куртки.

— Есть что? — наконец спросила она.

Эбби опять глянула на экран, на миг осветивший ее личико.

— Нет, — отозвалась она несколькими упавшим голосом.

— Надо идти, Эбби. Он наверняка просто не смог.

¹ «Ризис» (англ. Reese's Pieces) — ароматизированные конфеты на основе арахисовой пасты, выпускаемые компанией «Херши» для североамериканского рынка. (Здесь и далее прим. пер.)

— Угу. — Та кивнула, тоже слегка пожившись, причем разочарование в ее голосе казалось едва ли не осязаемым. — Пошли.

У Грейси возникло чувство, будто Эбби вот-вот расплачется. У той уже три дня только и разговоров было, что про сегодняшний вечер, — она была в полном восторге, что наконец-то встретится с Ноэлем. Ладно, утешить подругу можно будет и позже, но теперь пора двигать домой, пока они окончательно не превратились в сосульки. Спрыгнув с качелей, Грейси протянула руку Эбби, оказавшись при этом лицом к парку неподалеку. Темные деревья надежно скрывали за собой городские огни.

При виде высокой фигуры, шагающей в их сторону по тянущейся от парка тропке, Грейси даже вздрогнула. Мужчина двигался как-то странно, будто с опаской, и она сжалась; в голове промелькнула совершенно неожиданная мысль: «Он не хочет, чтобы мы его услышали». Ей понадобилась еще секунда, чтобы осознать, что она не может различить его лицо — не из-за темноты, а потому что на нем лыжная маска с дырками для глаз.

Но в этот момент он уже двигался куда быстрее.

— Эбби... Беги! — выкрикнула Грейси, хватая подругу за рукав.

Та нерешительно застыла, но Грейси, все еще крепко держа Эбби за руку, бегом потащила ее в сторону улицы. А когда бросила взгляд вбок, мужчина оказался уже куда ближе, так быстро перебирая ногами, что они смазались в одно размытое пятно. На бегу ее разум отметил сразу несколько мелких деталей. Какой-то маленький предмет у него в руке — что-то белое. Его глаза, поблескивающие в темноте и сузившиеся, когда он погнался за ними... Их длинные тени, взявшиеся за ру-

ки, на темной тропе... Более крупная тень, нависающая над ними, наступающая их...

Эбби прибавила ходу. Она всегда была лучшей спортсменкой, быстрее и сильнее, чем Грейси. И теперь это уже она тянула за собой Грейси, а не наоборот.

Ведущий на улицу проем в ограде был уже совсем близко. Оттуда оставался лишь короткий рывок ко все еще работающей бензоколонке через дорогу — и они в полной безопасности.

И тут откуда-то с улицы, взревев мотором, к ним устремился темный фургон. Скрипнув тормозами, ударился передними колесами о бордюр тротуара прямо перед ними, перекрыв выход. Распахнулась дверца, и из него выпрыгнула еще одна темная фигура. Тоже в лыжной маске.

Грейси в ужасе взвизгнула, когда та метнулась прямо к ним. За спиной она слышала быстрый топот ног их преследователя, смешивающийся со стуком ее собственного сердца. Эбби почти не замешкалась — вильнула вправо с тропы на замерзшую в камень землю парка. Но Грейси не отпустила ее руку, рывком увлекая подругу за собой. Обе спотыкались, тяжело дыша. Грейси попыталась что-то крикнуть, но не смогла — легкие горели огнем, страх клещами сжал горло. Не оставалось ничего другого, кроме как бежать без оглядки.

Земля под ногами стала слякотной, скользкой, неровной. Грейси оступилась, запнулась, выпустила руку Эбби, и теперь они уже бежали по отдельности. Грейси, на глазах отставая, наконец обрела голос.

— Помогите! — выкрикнула она. — Кто-нибудь, помогите!

В голове у нее оформилась безумная мысль. Может, залезть на дерево, пока ее не поймали? Это у нее всегда хорошо получалось.

Недалеко от нее и впрямь росло большое дерево, и она резко вильнула вправо, устремляясь к нему. Ей было видно, что оба преследователя по-прежнему гонятся за Эбби, но один из них бросил на нее взгляд, глазами хищника проследив за ее маневром. Грейси лихорадочно обшаривала взглядом ветки — какая тут пониже, чтобы залезть, — но было слишком темно, чтобы хоть что-то разглядеть, не то чтобы забраться на дерево.

Отчаяние затопило ее с головой.

Земля под ногами была скользкой — грязь вперемешку со слякотным снегом. Грейси поскользнулась, запнулась, упала, пытаясь прикрыть голову, но не успела вовремя вскинуть руки и ударилась головой прямо в дерево. Ослепляющая боль поглотила ее целиком.

* * *

Чуть раньше тем же вечером детектив Ханна Шор успела свайпнуть вправо в «Тиндере»¹ и теперь по полной программе влипла в свидание с двадцатипятилетним безработным «старичком» в шляпе лепреккона².

¹ «Правый свайп» в приложении для знакомств «Тиндер» (горизонтальное движение пальцем по экрану мобильного или планшета) означает примерно то же, что и «лайк» в соцсетях, — таким образом пользователь подтверждает, что не прочь пообщаться с обладателем «свайпнутого» аккаунта в реале.

² Лепреккон — персонаж ирландского фольклора, волшебник, исполняющий желания, который сторожит горшочек с золотом. Обычно изображается в виде старичка-гнома в огромной широкополой шляпе.

И сама до конца не понимала, что ее больше раздражает: что этот Боб Миллз счел умилительным явиться на свидание в такой шляпе или что она сразу не развернулась и не ушла, едва ее увидев. Это было жульничество, самое натуральное. На фото в «Тиндере» не было у него никакой шляпы, и ни в его описании самого себя, ни в тегах ничего подобного не упоминалось. Боб просто написал, что парень он приветливый и веселый и что любит собак.

Хотя, если честно, помимо шляпы вид его вполне радовал глаз. Он был на шесть лет младше ее, с небрежной копной взлохмаченных светлых волос и широкими плечами. Когда парень отошел в туалет, она убедилась, что и попка у него тоже вполне ничего. Ханна была уже готова полностью простить ему эту выходку со шляпой. Тем более что он сразу же снял ее, едва они успели усесться за столик, в конце-то концов.

Новый знакомый улыбнулся ей, продемонстрировав превосходные зубы, и она улыбнулась в ответ, отбросив вбок свои спутанные каштановые волосы. Ханна надеялась, что выглядит лишь намеренно небрежно и по-свойски, а не так, словно у нее просто не было времени принять душ, накраситься или даже как следует взглянуть на себя в зеркало, — чем, собственно, все это и объяснялось.

А потом он начал говорить.

Увы, но Боб Миллз страдал тем, что Ханна называла «синдромом Совы». Названный в честь Совы из «Винни Пуха», этот синдром наполняет людей чувством, будто они знают обо всем на свете и что этим знанием надо в обязательном порядке поделиться с окружающими. Муторное заболевание, но редко когда смертельное, если не считать отдельных экстремальных случаев.

С этой минуты привлекательность Боба резко пошла на убыль.

Про День святого Патрика он знал почти все, чем и не преминул сразу же поделиться. Спросил ее, почему она не оделась по-праздничному. От самого очевидного ответа Ханна воздержалась, — всегда считая, что праздник этот самый что ни на есть дурацкий, — и взамен ответила, что она иудейка. Оказалось, что Боб — специалист и по иудаизму. Равно как и по Израиллю. Последовал длинный монолог про ситуацию на Ближнем Востоке, в ходе которого ее разум разделился надвое — углубившись в воспоминания, Ханна сравнивала эту встречу с другими своими жуткими свиданиями. Это тянуло на семь с половиной баллов по шкале Дэвида Фергюсона — свидание с которым оказалось худшим в ее жизни, что включало в себе отвратительный секс, загубленную блузку и бурные рыдания... с его стороны.

Ханна в отчаянии огляделась по сторонам. Люди в баре явно наслаждались жизнью и самими собой, словно им было совершенно плевать на то, насколько ей не повезло с ухажером. Компашка симпатичных двадцатилетних девчонок радостно взвизгнула и разразилась аплодисментами, когда одна из них одним махом выдула целую кружку пива, пролив половину себе на грудь. За другим столиком у какой-то парочки хватало духу *держаться за руки*, словно чтобы специально позлить ее! Официантки, разносящие пиво, порхали вокруг с улыбками на лицах и зелеными париками на головах в честь ирландского праздника. День святого Патрика наверняка был весьма выгодным в плане чаевых. А она вот где: с мистером «Давай-ка я объясню, в чем *настоящая* проблема с импортом овощей» — и уже всерьез подумывает встать и уйти.

Боб Миллз, когда молчал в тряпку, выглядел как человек, с которым вполне можно было бы неплохо провести время. Пожалуй, стоило бы сразу пригласить его к себе домой, пока он еще не растерял те последние клочки сексуальной привлекательности, которые в нем еще оставались.

Но тут Боб принялся вещать про отдел полиции Гленмор-Парка — и свидание было официально обречено. Теперь это уже тянуло на восемь с половиной баллов по шкале Дэвида Фергюсона.

От полиции Гленмор-Парка, как объяснил Боб заинтересованно кивающей Ханне, нет абсолютно никакого толку. В Гленмор-Парке один из самых высоких уровней преступности в Массачусетсе, и Боб из первых рук знает, что дело тут лишь в полицейской коррупции и некомпетентности.

— Это ужасно, — поддакнула Ханна.

— Да при таком бюджете... вы вообще в курсе, что копы Гленмор-Парка — самые высокооплачиваемые во всем штате?

— Возмутительно! — с деланным пылом отозвалась Ханна. — Обычно думаешь, что они пытаются обеспечить нашу безопасность, по меньшей мере.

— Куда там! В прошлом месяце меня оштрафовали за скорость. Клянусь, я ехал чуть меньше ограничения! Я запросто мог бы оспорить это в суде, но сами знаете, каково это. Не стоит руки марать, верно?

— Совершенно верно. Кому хочется выступать против коррумпированных копов в суде? — Ханна печально покачала головой, удрученная столь неутешительным состоянием правосудия. — В смысле... у них же все судьи, наверное, куплены.

— Наверное? Я бы сказал наверняка!

Ханна мысленно прокляла себя за отсутствие плана аварийной эвакуации. У любой женщины, отправляющейся на свидание, есть подруга, которая звонит ей в условленный час, — такой звонок может потенциально превратиться в экстренный, если к этому призовет ситуация. У любой, но только не у Ханны Шор. Нет уж... Ханна Шор идет на любое свидание, как будто оно настоящее, — словно собирается выйти за парня из «Тиндера» замуж.

Ну что ж, замуж за Боба она точно не пойдет, и даже секса у них не будет, несмотря на его широкие плечи и тугую попку. Просто придется сослаться на головную боль. Хотя он наверняка произнесет спич и на тему головной боли. Боб наверняка знает, как правильно лечить и этот недуг.

— Послушайте, — произнесла Ханна, так потирая виски, словно за ними бушевал настоящий мигреновый ураган. — Я не...

И тут зазвонил ее телефон. Чудо Дня святого Патрика! Она вытащила его из сумочки. Номер неопознанный, но все равно классно. В данный момент Ханна была готова пообщаться с кем угодно, лишь бы улизнуть с этого свидания.

— Алло? — ответила она.

— Ханна? — Знакомый голос, к которому не удалось с ходу пристроить имя и фамилию.

— Да, это я. А кто это?

— Ханна, это Наамит.

Точно, осознала она. Наамит, мамина подруга. И где же маменька с этой женщиной подружилась? В синагоге? Или на каких-то занятиях по пилатесу¹? Подробности

¹ Пилатес — система физических упражнений, разработанная одним из основателей методики фитнеса Й. Пилатесом и ориентированная в основном на женщин.

ускользали, но Наамит и мать Ханны вот уже пару лет были добрыми приятельницами.

— Здравствуйте, Наамит, как вы? — произнесла она в трубку.

— Не особо, — отозвалась женщина, и тут Ханна осознала, что ее собеседница всхлипывает. — Ханна, ты не смогла бы приехать? Нам тут очень пригодилась бы твоя помощь.

— Ну конечно, — ответила она, нахмурившись. — А в чем проблема?

— Эбигейл, — произнесла Наамит. — Она пропала.

— Какой адрес?

— Лаветта-уэй, двадцать три.

— Уже еду, — пообещала Ханна, после чего отключилась. — Мне надо идти.

— А в чем дело? — спросил Боб.

— Одной подруге срочно нужна моя помощь. Это полицейский вопрос.

В голове у Боба несколько секунд прокручивались шестеренки.

— Так вы — коп?

— Угу. Детектив. — Ханна бросила на столик две кушюры.

— О! — вымолвил несостоявшийся ухажер.

Ханна встала.

— Все было просто замечательно, — произнесла она таким тоном, что становилось ясно: замечательно, как чирей на задку.

— Может, как-нибудь еще разок состыкуемся, — пролепетал Боб.

— Обязательно, — заверила его Ханна.

Да ни в жисть! Даже если этот Боб с Дэвидом Фергюсоном останутся последними мужчинами на земле.